

Яна Чингизова-
Позднякова

Там

18+

Яна Чингизова-Позднякова

Там

«Автор»

2026

Чингизова-Позднякова Я.

Там / Я. Чингизова-Позднякова — «Автор», 2026

Страшно ли заблудиться в лесу? Страшно! Но еще страшнее не знать, куда идешь на Пути жизненном. Два друга — пожилой профессор и его самонадеянный студент, попав в тяжелую ситуацию обретают новое понимание самих себя и окружающего мира, стремясь найти выход из лесной чащи и своих заблуждений.

© Чингизова-Позднякова Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	8
ГЛАВА 3	11
ГЛАВА 4	13
ГЛАВА 5	15
ГЛАВА 6	17
ГЛАВА 7	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Там

ГЛАВА 1

Белгородский сидел на камне и строгал щепу, чтобы было чем разжечь костер. Мышка бегал вокруг стаскивая хворост и постоянно жаловался, что его кроссовки промокли, ноги стертые и больше он не сделает и шагу.

— Ну, не делай, — философски пожимал плечами старик, продолжая строгать.

— А кто же дров принесет? — возмущенно вскрикивал его молодой спутник и бежал в лес за новой охапкой.

— Экий ты разнонаправленный, — вздохнул Белгородский и, собрав растопку, взялся складывать дрова на обожженный пятачок земли. Снизу положил тонких сухих веточек потом потолще и, наконец, поставил «шалашом» настоящие дрова. Он не был уверен, что его «конструкция» в самом деле загорится, но торопиться было некуда и, если понадобится, он может возиться с костром хоть до вечера.

— Какой разнонаправленный! — заверещал Мышка и в сердцах бросил на землю подтащенные сырые берёзовые палки.

— Ну чего ты блажишь? — поморщился его собеседник. — Аж уши заложило, — он похлопал ладонью по своему уху и внимательно взгляделся в Мышку. Тот плакал. И при этом так напоминал маленького перепуганного мышонка, что Белгородский не сдержавшись хмыкнул в бороду.

— Вам смешно?! — немедленно среагировал парень, уставившись мокрыми глазами на старика.

— Виталь, сядь-ка! — похлопал тот ладонью рядом с начавшим понемногу разгораться костром.

— Когда рассиживаться? Дров нет! Времени нет! — совсем уже истерично провизжал Виталий и все же плюхнулся рядом с дедом уткнувшись лицом в ладони.

— Времени-то у нас как раз много, — задумчиво проговорил Белгородский. — Вряд ли мы выйдем отсюда в ближайшие дни.

Мышка завыл. Старик успокаивающе погладил его по голове и пошевелил полешки в костре. Кажется и впрямь получилось зажечь. Он неторопко достал из ямки спрятанную, обернутую в крапивные листья тушку зайца. Впрочем, не зайца, а малюсенького зайчонка, который по глупости вывалился им под ноги прямо из куста и в итоге стал пищей. Закон жизни! Или ты — или тебя. Хотя есть, кажется, такие личности, кто смог удалиться от этой вечной борьбы и не став добычей, не стал и охотником. Часто их называют Просветлёнными, но что это точно означает Белгородский не знал. Чувствовал. Ощущал какой-то закрайкой сознания. И мечтал увидеть живую хоть одного. Какие они? Вправду, что ли, бродят в белых одеждах возведя очи горе и часами сидят в «позе Лотоса»? Верилось с трудом.

Старик достал мятую консервную банку. Мышка ее позавчера выкинул после того, как они доели тушёнку, но Белгородский подобрал и теперь, довольный, варил в ней бульон из зайчатины.

— Мы здесь сдохнем? — хрипло спросил Виталий.

— Возможно! — кивнул его пожилой спутник. — Только нервы в этом деле помочь не могут. Сколько бы ты не плакал — только силы потеряешь.

— Мне страшно, Пал Семеныч! — признался парнишка. — Я, знаете, как раз перед нашим походом заходил на один форум — там отшельники тусуются и там про одного парня... он в лес ушел зимой... ночью... у него даже тента не было... и умер! Его потом через год только нашли! — его губы опять задрожали.

— Сейчас не зима и не ночь, — резонно заметил слушавший его дед. — Нас двое и у нас есть укрытие. Правда, летнее, но есть! — он покосился в сторону их «жилища». Изначально это было углубление в земле в пару метров диаметром и сантиметров семьдесят глубиной — только улежся. Белгородский подкопал ножом стены, погоняя измученного спутника, чтобы выкидывал землю. Сверху они, походив по березняку, натащили длинных пней, падающих при надавливании, но достаточно крепких, чтобы не сломаться над ямой, что проверяли бросая очередной столбик на землю — спружинил, значит, пойдет. Поверх крыши набросали веток и травы, и внутрь тоже и, забравшись вперед ногами, немедленно уснули.

Проснувшись на другой день Павел Семенович со страхом покосился на выход и запоздало подумал о диких зверях и всякой приبلудной двуногой нечисти, что могли покушаться на их имущество и жизни. Но, кажется, пронесло! Мышка блаженно сопел, уткнувшись носом в земляную стену и Белгородский осторожно пополз наружу.

Когда Виталий, наконец, проснулся, старик уже разжег костер, вскипятил чай в их сокровище — старом чайнике, который он прихватил с собой больше от озорства, и разогрел банку тушенки. Он не хотел пугать малого своими утренними страхами, но тому, как оказалось, ничьей помощи в таком деле не требовалось:

— А вы тоже спали ночью? — задал Мышка вопрос, видимо возникший в его голове вместе с пробуждением.

— Тоже, — невозмутимо кивнул Белгородский.

— Нас же мог какой-нибудь медведь съесть! — неожиданно осуждающе проскрипел парнишка.

— Ну да, — согласился его спутник, — но не съел-таки! Видать не нагрели мы настоль....

Молодой человек не дал ему закончить, подскочив, как пробка от шампанского.

— Как вы можете шутить, Пал Семеныч! Вы что, не понимаете?

— Не понимаю чего? — усмехнулся старик. — Что пока ты спал, я должен был на страже быть? Медведей ловить, мух отгонять? Так что ли?

— Старики все равно по ночам плохо спят! — выдал Виталий. — Могли бы и покарать! А днем бы я стерег! — приговорил он. Павел Семенович только головой покачал и отвечать не стал, протянув молодому наглецу вторую половину пищи. Тот хмуро принялся есть, всем видом показывая, как виноват перед ним профессор.

Дед улыбался, поглаживая бородку и косился на пышущего злостью соседа. Тот, наконец заглотив тушенку, поднялся и пошел в лес по нужде, а потом взялся усердно таскать дрова. Он носил их и носил, ругался, плакал и не мог остановиться. Белгородский мягко пытался его унять, но тот словно с ума сошел.

И так продолжалось несколько дней. Это было самое тяжелое время. Павел Семенович большей частью сидел у костра и лишь пару часов бродил по лесу, собирая грибы и всякую снедь для еды. Варил еду и чай и балагурил. Мышка же обычно суетился, натаскивая хворост, углубляя жилище или пытаясь выяснить, в какую сторону идти, чтобы выбраться из леса.

Попали они сюда, если признаться честно, по собственной глупости. Мышка обожал всякие загадки и приключения, но чисто теоретически. Если он слышал историю о чьем-нибудь путешествии, неважно куда, он тут же начинал высказывать предположения, как нужно было поступить и вот он бы в таком случае... Проверить на практике свои познания парень обычно не стремился. Однако, неделю назад произошла непредвиденная ситуация. Мышка высказал свои предположения в присутствии компании с девушками. Его, конечно, немедленно засыпали вопросами и он с упоением на них отвечал, ловя на себе восторженные взгляды прекрасных дам. И в это время один из молодых людей с издевкой задал вопрос: «А сам-то ты хоть раз в лесу был? Или только книжек начитался? Диванный эксперт!».

Дело происходило на квартире профессора, куда часто приходила молодежь — хозяин любил такие посиделки. Виталий покрылся малиновыми пятнами и совершенно растерялся. Весь остаток вечера он сидел молча, как в воду опущенный, а когда гости понемногу разошлись по домам, пришел на кухню, где Белгородский заваривал чай и, нервно пододвинув табурет, выдал:

— Пал Семеныч, я хочу поехать на выходные в лес с ночёвкой!

— Зачем тебе это, Виталь? — пылливо уставился на него профессор. — Ты же не любишь отсутствие комфорта!

— Я не диванный эксперт! — вдруг вскрикнул Мышка и схватив с тарелки кусочек сыра взялся обгрызать его передними зубами. Он всегда так делал в минуты душевных тревог — по-мышьиному грыз первую попавшуюся еду, за что и получил свое прозвище.

— А что плохого в таких знаниях? В науке много теорий. Практика не всегда возможна!

— Но у меня возможна! — набычился парень. — И я поеду! Не будут мне говорить, что я... что я... — он даже не смог повторить так обидевшие его слова.

— Нужно подготовиться, Виталий! Собрать необходимое... ты уверен, что сможешь?

— Уверен! — ответил Мышка, но в глазах застыл страх. Оно и понятно! Городской парнишка, который даже на дачу никогда не выезжал и вдруг в лес, в ночь, в одиночку!

— Знаешь, Виталь, — задумчиво проговорил Белгородский, — а давай вдвоем поедем? Палатку мою возьмем, продуктов... Я уж давненько по лесу не бродил! — он не считал, что будет намного удачливей Мышки в походных условиях, но все-таки за своими плечами имел опыт прогулок в лес с друзьями и в одиночку за грибами и просто для отдыха. Молодой человек странно посмотрел на профессора и неуверенно сказал:

— Вы же уже..., — он споткнулся и покраснел.

— Что уже? — переспросил Белгородский. — Старый что ли?

— Ну да! — с вызовом подтвердил гость. — Куда вам по лесам бродить?

Профессор даже не обиделся, а только рассмеялся. И пошел на балкон вытаскивать палатку.

Через два часа они собрали необходимое. Упаковали рюкзаки. Продукты пока не складывали — часть лежала в холодильнике, а часть Виталий пообещал купить утром и принести вместе со своими вещами. Белгородскому приходилось останавливать своего будущего спутника потому, что тот готов был собрать с собой все имущество — и свое, и профессора. Когда же пожилой человек пристегнул к рюкзаку старый металлический чайник, начал выступать уже Мышка:

— Зачем это, Пал Семеныч? У нас же чай в термосе!

— А пусть! — махнул рукой старик. — Не задавит!

На ночь Виталий убежал домой — благо жил в соседнем подъезде. Павел Семенович не знал, что парень сказал своей матери: признался, что едет в лес или наплел что-нибудь, но подумал, что отсутствие в течении двух дней не будет слишком нервировать женщину. Если бы он знал, как все обернется....

ГЛАВА 2

Ехали долго, стараясь найти место, где можно было укромно поставить авто. Белгородскому совсем не улыбалось пойти в лес, а потом обнаружить, что его пожилой «Тойотке» «приделали ноги». Наконец, подвернулась небольшая прогалинка между деревьями в неглубоком овражке. Павел Семенович выбрался наружу и достал рюкзаки. В них были часть продуктов, пластиковые чашки, какая-то мелочь и моток веревки. Мышка повесил на пояс охотничий нож, доставшийся ему от отца, а профессор прихватил топорик, спички и прицепил к рюкзаку чайник.

Было решено сперва найти место для лагеря, а затем вернуться за палаткой, газовой горелкой и баллончиками и прочими походными удобствами. Сначала шли весело. Виталий хвастался познаниями и пояснял Белгородскому, как надо устанавливать палатку и разжигать костер-нодью.

Павел Семенович добродушно кивал, подогревая настрой спутника вопросами. Через час блужданий они нашли местечко недалеко от ручья, закрытое от ветра высоким холмом. Осмотревшись, путешественники очистили от травы пяточок и разведя костер подвесили на таганке чайник.

Огонь весело потрескивал, чай закипал, а вокруг распевали птички и шумел лес. Это было так замечательно, что они почти не замечали гудения в непривычных к нагрузкам ногах. Тушенка и хлеб показались необычайно вкусными. Мышка, довольный собой, умял перекус и упал на травку, заложив руки за голову:

— Вот так, Пал Семеныч! Я хоть и диванный, а все-таки эксперт и много чего знаю!

Белгородский улыбнулся и достав пластиковые кружки взялся разливать чай:

— Ты слишком зависишь от чужого мнения, Виталя!

— Ничего я не завишу! — угрюмо буркнул Мышка. — Просто не люблю выглядеть дураком!

— А иногда это полезно! — засмеялся Белгородский. — Открываются новые возможности. Что, возвращаемся к машине? Нам еще много дел предстоит...

— Возвращаемся, — вздохнул парнишка и стал, морщась, подниматься. С непривычки ноги у него совсем одеревенели и он потоптался на месте, разгоняя кровь.

Нехорошее предчувствие закралось в душу профессора, когда они, в общем-то, не так далеко отошли от бивака. Почему-то солнце, которое должно было светить слева, оказалось прямо по курсу. Когда и где они успели свернуть? Или он что-то путает? Белгородский покопился на спутника, но парень безмятежно шагал, полностью доверившись опыту старшего товарища. «Опыту!» — скривился профессор.

— Слушай, Виталь! Мне кажется, мы идем немножко не туда! — рискнул высказаться Белгородский.

— Как не туда? — уставился на него Мышка. — Куда тут можно не туда идти? Шли в одну сторону, теперь развернулись и пошли обратно! — безапелляционным тоном заявил он.

— Солнце светит не с той стороны, — пояснил профессор.

— Да вы что, Пал Семеныч! — засмеялся парень. — Оно же проворачивается. Время-то уже после обеда!

— Ну-ну... — неохотно согласился старик, но продолжал тревожно оглядываться.

Обратный путь длился долго. Они не могли найти не то что машину, но даже дорогу. Только лес становился все угрюмей и неприветливей. Наконец, и Виталий начал хмуриться. Пройдя еще некоторое время, парень вдруг резко обернулся к спутнику и сверля его осуждающим взглядом выдал:

— Мы что, заблудились?

— Похоже на то, — согласился профессор.

— А вы почему сразу не сказали? — возмущенно задохнулся Мышка.

— Да говорил я... — растерялся Павел Семенович, — ...сразу, как отошли от бивака.

— Чего вы там говорили! Наплели что-то про солнце! Не могли прямо сказать?

— Виталий! — строго нахмурился профессор. — Как ты разговариваешь? Придержи-ка язык!

Молодой человек немного смутился и принялся усердно снимать рюкзак. Однако через пару секунд он оправился и угрюмо спросил:

— И что делать-то?

Белгородский огляделся и тоже снял рюкзак. Они стояли внизу некрутого склона. Впереди, шагах в пятидесяти от них журчал ручеек. Выше стояли березы среди которых изредка виднелись сосны и даже одна лиственница. Внимательно присмотревшись, Павел Семенович выбрал местечко и взялся обустроить очередной бивак. Виталий бестолково топтался рядом с присевшим на торчащий из земли плоский камень профессором. Парень опасливо оглядывался по сторонам, косился на перевалившее за полдень солнце и потихоньку, кажется, начал осознавать, что все это всерьез!

— Вы чего, опять есть хотите? — подозрительно спросил он.

Белгородский кивнул:

— Хочу чайку вскипятить да поразмыслить о нашем положении!

— О чем тут размышлять? — ожидаемо завизжал Мышка. — Надо идти! Выходить из этого идиотского леса, а не чай распивать! Мы еще до вечера триста раз выйдем!

— Виталья, мы уже полдня выходим, а лес только гуще! Если дальше так пойдет — мы в такие дебри забуримся, что нас там точно не отыщут!

— Да кто нас искать-то будет, Пал Семеныч? — вдруг по-детски заплакал его молодой приятель, растирая слезы по потным, грязным щекам.

— Будут! — уверенно заявил профессор. — Я перед нашим походом другу своему звонил и предупредил, что если через три дня не перезвоню — пускай сообщает в МЧС.

— И что, мы три дня будем здесь сидеть? — вытаращил глаза Мышка.

— Может и больше! Через три дня он только сообщит о нашей пропаже!

— Да за три дня можно сто раз найти дорогу! — дрожащим голосом проговорил парнишка.

— Можно, — согласился профессор. — Весь вопрос — куда? Я, может быть, не эксперт, но точно знаю, что если ты заблудился — надо сидеть на месте.

Мышка, потемневший лицом при слове «эксперт», в конце фразы замотал головой:

— Не буду я здесь сидеть, ясно вам? — вдруг злобно заявил он. — Это вы не хотите признаться, что у вас сил уже нет, вот и придумали на месте торчать! Что мы жрать-то будем?

— Вот этим лучше и озаботиться! — поднял палец вверх Белгородский. — Тушенки-то у нас на два дня. А что потом?

— Каких два дня? — заорал Мышка. — Я, вообще, и минуты здесь не останусь! Вставайте, пойдем искать дорогу!

Профессор спокойно поковырял разгорающийся костер и поглядел в глаза Виталию:

— Никуда мы не пойдем! — жестко сказал он и парень от неожиданности примолк. Он никогда не слышал, чтобы профессор говорил таким тоном. — И перестань психовать! Это дома можно горлом брать! А здесь будешь делать то, что я тебе говорю! Сядь!

Мышка пришибленно сгорбился и осторожно опустился на землю:

— Вы чего, Пал Семеныч? — заискивающе проскулил он. — Я ж так... я же ничего не имел в виду...

— Вот и хорошо! — подобрел Белгородский. — Значит, давай пить чай, а потом будем готовиться к ночлегу.

Весь остаток дня они стаскивали березовые бревешки к найденной неподалеку яме и устраивали более-менее приличный ночлег. Уже в темноте, совсем обессиленные, они забрались внутрь своей норы и Мышка даже «спокойной ночи» не смог договорить.

ГЛАВА 3

— Николай Анисимович, вы дома? — соседка настойчиво стучала в дорогую дверь и периодически нажимала звонок. Ответом ей была тишина. В квартире не слышалось никакой жизни. Татьяна, молодая пенсионерка, была сильно обеспокоена — пожилого соседа, бывшего декана, не было видно со вчерашнего дня. Обычно он каждое утро выходил во двор и прогуливался вокруг дома, перекидываясь фразами с соседями или встречался со своим другом Павлом Семёновичем Белгородским. Однако сегодня не появился ни тот, ни другой.

Татьяна была из тех людей, что всегда следят за делами соседей. Порой из-за этого у нее бывали разногласия со знакомыми, но иногда, как сегодня, такая заинтересованность могла помочь человеку.

— А ну-ка стой! — ухватила она за рукав бегущего с верхнего этажа подростка.

— Чего вам? — невежливо буркнул тот.

— Прости, Валерка! Ты Николай Анисимыча не видел сегодня?

— Нет... — пожал плечами Валерка и собрался ушмыгнуть, но Татьяна опять его удержала.

— Ты сможешь в его окно забраться? — кивнула на дверь пожилого соседа. Пацаненок уставился на женщину с опаской:

— Зачем? Это, вообще-то, незаконно!

— Ладно тебе, незаконно! — нахмурилась Татьяна. — Мне кажется, с ним там что-то случилось... плохо ему!

— А мама что скажет? — выдал аргумент подкованный юридически малец.

— О, Господи! — вздохнула соседка. — Ну, пойдем спросим ее!

И развернула парнишку обратно к лестнице на второй этаж.

Когда Валерка начал восхождение по лесенке, притащенной кем-то из мужиков от гаража, его мать стояла в толпе соседей рядом с Татьяной и бормотала:

— Вы уж, Татьяна Геннадьевна, если что, скажите, что это с вашей подачи! А то мальчишке быстро прилепят дурную славу!

— Не волнуйтесь, Наталья Игоревна, я уверена — мы не зря все это затеяли, — в третий раз объясняла Татьяна, напряженно следя за мальчишкой ловко протиснувшимся в приоткрытую форточку.

Через минуту его испуганная мордашка показалась в проеме:

— Татьяна Геннадьевна, а деда Коля на полу лежит!

Женщина вздрогнула и крикнув мальчишке, чтобы он отпер входную дверь, побежала в подъезд.

Когда приехала «Скорая» соседи стояли толпой на площадке. Диагнозы ставились заочно и слышались пугающие термины — «паралич», «инсульт» и менее научный «родимчик». Врачи, побыв в квартире, стали выбираться на улицу, неся недвижимого, вяло моргающего и безучастного Николая Анисимовича.

А в его сознании крутились воспоминания о студенческой жизни. Какие они все были глупые и самонадеянные. Каждый парнишка или девчонка считал, что именно он достигнет неопикуемых высот в науке, станет видным ученым и эта уверенность выливалась в немного надменное отношение к сокурсникам. Дескать, мне ли, будущей знаменитости общаться с вами — недорослями и невеждами.

Первый курс был, как бушующее море — все норовили встать на дыбы и погрести под собой окружающий мир. И с Пашей Белгородским молодой Коля поначалу серьезно соперничал. Оба были отличниками в школе, оба любили поумничать и произвести впечатление на

тех, кто рядом. Большею частью, конечно, на девушек. Поэтому друг друга, мягко говоря, сразу невзлюбили.

Физика была их страстью еще со школьной скамьи. Сколько механизмов изготовил Николай в детстве — было не сосчитать и поступив на физмат он был по-настоящему счастлив. А потом — Белгородский! На каждой лекции они, соревнуясь между собой, задавали преподавателю множество вопросов. Разговаривая с другими студентами пытались друг друга «посадить в лужу».

Однако, со временем выяснилось, что общаться им интересно только друг с другом. Остальные просто не могли поддерживать разговор на их уровне и волей-неволей они начали сближаться. К концу первого курса ребята стали друзьями.

Однако, судьба послала им еще одно испытание. Вместе с ними училась девушка в которую, как водится, они оба влюбились. Тамара была красива, взбалмошна и абсолютно равнодушна к знаниям. Совершенно непонятно зачем она, вообще, ходила в институт. С курса на курс ее «протаскивали» за счет папиных «даров». И, если честно, она никогда не воспринимала чувства двух друзей всерьез и откровенно забавлялась их соперничеством.

Он отчетливо помнил сейчас один весенний день, когда собравшись с духом позвал Тамару погулять после лекций в парке. И ждал ее около институтского крыльца с цветами, а она вышла под ручку с Белгородским. Николай ощутил жуткую ярость, поднявшуюся в его душе. В тот момент он, казалось, мог собственными руками придушить счастливого соперника!

Стыдясь своих действий и мыслей, он следовал за смеющейся парочкой. Павел был не похож на себя — обычно спокойный и сдержанный, он шутил, улыбался и торжествующе сверкал стеклами очков. Николай поправил на носу свои и увидел, что его дружок обнял девчонку за плечи и вознамерился поцеловать. Этого ревнивец вынести уже не мог и, выскочив из-за дерева, что служило ему укрытием кинулся в бой. Позже он понял, что Тамара прекрасно знала о его местонахождении — когда он подбежал она, ничуть не удивившись, спокойно отошла в сторону и наблюдала их стычку, насмешливо улыбаясь.

Бой был нескладный и бестолковый потому, что оба «ботаника» никогда не пытались постичь хотя бы азы рукопашного искусства, но расквасить друг другу носы все-таки умудрились. Когда тяжело дыша они повернулись к своей даме сердца она, брезгливо оглядев порванные рубашки и помятые физиономии, выдала фразу, убившую парней гораздо хуже, чем тумаки: «Господи, да вы оба никчемные книжные червяки! Видеть никого из вас не хочу!» — и грациозно откинув назад волосы, развернулась и неспешно пошла по аллее, покачивая бедрами.

«Книжные червяки» с открытыми ртами провожали это «прекрасное видение» взглядами, а потом, не сговариваясь, потопали к пивному ларьку и завершили этот и без того ужасный день чрезмерными возлияниями.

Назавтра никто из них не смог ни то, что явиться в институт, а даже оторвать голову от подушки. Нагоняя от родителей прошли краем сознания. Оправившись от этих событий, они однажды поклялись друг другу в вечной дружбе и в том, что никакая прелестница больше между ними не встанет. Клятву эту они сохраняли по сей день.

Николай Анисимович снова прикрыл глаза. Как давно это было! В голове все путается и временами кажется, что то, давнее, происходит сейчас. Однако, похоже, он в машине «Скорой помощи». Пожилой человек попытался обратиться с вопросом к доктору, но язык не слушался и он смог только тихо застонать.

ГЛАВА 4

Мышка, к удивлению профессора, за три дня превратился из довольно щеголеватого парня в настоящее чудовище — борода у него росла бешеными темпами, волосы были спутанными и торчали в разные стороны, лицо покрылось саженными мазками, а одежду он умудрился так изодрать о сучья и дрова, что из нее проглядывало незагорелое тело. Самое главное, Виталий и не собирался что-то исправлять, вбив себе в голову, что они здесь непременно умрут.

Сейчас у них кончилась еда, за исключением соли, чая и почти булки хлеба. Профессор отрезал от нее по небольшому кусочку к перекусам, состоящим теперь в основном из грибов. Мышка каждый раз причитал и ругался, пытаясь выпросить у старшего товарища порцию побольше. Однако, профессор был неумолим — неизвестно сколько им еще здесь находиться, а если съесть все разом, потом придется довольствоваться только «подножным кормом».

Белгородский после завтрака который, вне обыкновения прошел в молчании ибо Мышка в отличии от прошлых дней был угрюм и усердно отводил глаза, стал собираться на тихую охоту. Его немного тревожили быстрые взгляды паренька, свидетельствовавшие, что Виталий что-то задумал, но профессор решил, что разберется с этим по приходу «домой», как он теперь называл их лагерь.

День сегодня был немного хмурый, но дождь не шел. Павел Семенович все-таки решил по возвращении заставить спутника нарезать ещё травы и добавить на крышу их жилища распределив так, чтобы вода скатывалась по травинкам. Грибы вблизи не попадались и Белгородскому пришлось зайти подальше, чтобы собрать достаточно для ужина.

В основном встречались лисички, чему профессор был рад — привередливый Мышка брезгливо относился к грибам, тронутым червячками. Собирал добычу Павел Семенович в полиэтиленовый мешочек от хлеба. Когда тот наполнялся — это означало, что можно поворачивать к дому, еды должно хватить. Порой Павел Семенович увлекался и набирал грибов больше, чем нужно, а потом мучился не зная, как сохранить запас. В основном насаживал грибки на тонкую палочку и вялил над костром и на солнце.

Самочувствие профессора сегодня было не из лучших. Болела голова и перед глазами временами все плыло. Давление было высоким, наверняка от того, что питались они грибами. В них был йод и он давал о себе знать. Таблетки у Белгородского были, но початая пачка и он их, по возможности, экономил на крайний случай. Только похоже этот самый случай как раз и подходил. Достав бутылку с водой, Павел Семенович присел на пенек и морщась проглотил лекарство. Посидев еще некоторое время, он хотел подняться и от греха подальше повернуть к биваку, но его голова, как будто сама по себе повернулась и он встретился взглядом с замершей в трех метрах от него змеей. Она, свернувшись напряженным кольцом и подняв голову, наблюдала за человеком, пробуя воздух языком. «Мать честная!» — ахнул старик и инстинктивно подтянул под себя ноги. Змея, кажется гадюка (Белгородский разглядел серый узор на блестящем теле) раскрыла пасть и зашипела. Профессор похолодел. Ему казалось, что стоит шевельнуться и эта живая пружина взвьется в воздух и вцепится в него ядовитыми клыками. Замерев, он чувствовал, как между лопаток покатился пот. Не вовремя появившийся паут сел ему на шею и вгрызся в кожу. Павел Семенович вздрогнул от боли, но не пошевелился. Он что-то шептал, хотя в голове не было ни единой мысли. Наконец, опомнившись, он прислушался к своему голосу и понял, что без конца бормочет: «Господи, пусть она уползет!». Перед глазами появился туман и путешественник испугался, что сейчас грохнется в обморок, как кисейная барышня. Это его немного привело в чувство. Он слегка мотнул головой, отгоняя кровожадное насекомое и стал потихоньку подниматься. Змея наблюдала не двигаясь. Белгородский

распрявился и напрягшись не хуже гадюки, осторожно топнул ногой. Потом еще и еще. Его «подружка» слегка отпрянула, развернулась и вальяжно растянувшись, скрылась в траве.

Несколько секунд он смотрел вслед, а потом, оглянувшись по сторонам, со всех ног кинулся к лагерю. Хорошо, что ушел он довольно далеко и пробежав метров сто смог остановиться, вконец задохнувшись. Иначе он перепугал бы и так слишком нервного спутника. Минуту он успокаивался и восстанавливал дыхание, вглядывался в траву, боясь увидеть родичей змеи. Наконец, придя в себя, он уже шагом, но все же торопливо вернулся назад.

Профессор умудрился не потерять пакет с грибами и подойдя к костру и положив добычу на землю, взглянул на Мышку. Тот был напряжен и красен, словно не Белгородский, а он пробежал это расстояние бегом. В глаза старику он не смотрел и только виновато «стрелял» взглядом в сторону их тайника с припасами, что профессор выкопал в земле с помощью ножа и обложил камнями. Нехорошая догадка озарила Павла Семеновича. Он торопливо прошел к углублению, открыл крышку и выдохнул. Хлеба не было. Неполная черствая булка исчезла. Старик неверяще повернулся к Виталию. Тот, не став ждать обличающих профессорских фраз, подскочил и визгливо выпалил:

— Что, жалко паршивого куска хлеба? Ты бы его так и сгноил в своем закутке! — выдал парень, в запале перейдя на «ты». — А я жрать хочу, ясно? Это ты из леса выходить отказался и меня заставил тут сидеть! Я бы уже давно дома был! Пиво пил и с девками гулял!

— Виталья! — попытался одернуть его пожилой человек.

— Что — Виталья? Думаешь, если ты там профессор, так и тут я буду перед тобой по стойке смирно стоять?

— Виталий, прекрати немедленно! — уже громче сказал Белгородский, но его юный друг, словно обезумев, понес уже совершенно оскорбительные речи. Павел Семенович отвернулся и медленно побрел к ручью. Сердце гулко ухало в грудной клетке. Голова гудела и шумела. Тело казалось невесомым. Добредя до ручья, профессор нагнулся, чтобы умыться. Перед глазами все закрутилось и он неловко посунувшись, повалился на заросший папоротником берег, шумно разметав край воды непослушной рукой.

ГЛАВА 5

Анна Сергеевна держала возле уха телефон и в сотый раз слушала бездушно-вежливую фразу: «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети». Ей казалось, что, подожди она немного и трубка оживет и ответит голосом ее сына Витальки, который начнет сразу же сердиться и высказывать недовольство, только чтобы не признавать, что он опять эгоистично не позвонил. Но Виталька молчал. Пошли вторые сутки ожиданий и поисков. Вчера женщина хоть и звонила три раза, но особо не переживала потому, что у сына была такая привычка — выключать телефон, когда он занят чем-нибудь интересным. Он не любил, когда разговоры не вовремя прерывают звонки и сбивают с мысли.

Парень убежал вчера еще ранним утром. Она и проводить-то его толком не успела. Он наговорил про какую-то дачу, где они будут с друзьями, а отвезет его туда профессор Белгородский, их сосед по дому. Почему Павел Семенович вдруг решил поработать таксистом, Анна Сергеевна не спросила. И где находится эта дача тоже. А вот теперь не могла дозвониться!

В глубине души тревога уже давно была в набат, сообщая, что с ее мальчиком что-то случилось. Отложив трубку и допив безвкусный чай, женщина решительно поднялась и собравшись, пошла к Белгородскому.

До этого она уже пыталась дозвониться до профессора, но и его телефон молчал. Друзья и знакомые Виталия сообщили ей, что сын был у профессора, как всегда на их «посиделках», но ни про какую дачу никто не знал и больше парня не видел. Все это начало вселять в женщину настоящий ужас!

Конечно, Виталька далек от образа примерного сына, звонящего родителям каждый час, но не ночуя дома вторую ночь он все-таки что-нибудь сообщил бы! Что там случилось на этой даче? Пожар, отравление некачественным алкоголем, драка из-за очередного спора? Мать прекрасно знала, как ее отпрыск любит показать свое всезнайство. В компании разгоряченных напитками молодых людей (а Анна Сергеевна понимала, что поездка на дачу веселой компанией вряд ли пройдет без этого) безапелляционные высказывания сына могут спровоцировать драку.

Оставалась слабая надежда на Павла Семеновича, но было очень сомнительно, что пожилой человек останется там надолго, даже если и впрямь отвез Виталика на своей машине. Подойдя к квартире профессора, Анна Сергеевна нерешительно нажала на звонок. В квартире стояла тишина. Она позвонила еще и еще, а потом в отчаянии застучала кулаком по двери. Тут же, как по волшебству открылась соседняя дверь и в ней показалась старушка с любопытно-осуждающим выражением лица.

— Ты чего это барабанишь на весь подъезд, а? Тут уважаемый человек живет, а ты как в хлев ломишься! — выдала она фразу скрипучим голосом.

— Простите, ради Бога! — глотая слезы забормотала посетительница. — Вы не знаете, где Павла Семеновича можно найти?

— Уехамши он! — важно заявила соседка. — Позавчера еще! А тебе он зачем?

— У меня сын пропал! — выпалила несчастная гостья. — Вы не видели? Виталик!

— Да кто ж его знает! — взмахнула рукой старушка. — Их тут каждый день ходит этих Виталиков! Профессор-то любит када молодежь гостить... он каков из себя-то сын твой?

— Он худенький, блондин. В футболке синей, рубашке и джинсах. В кроссовках.

— О, Господи! — вздохнула бабка. — Да они все под это описание подходят! Может и твой тут был. Он поди у друзей заночевал каких или с подружкой гуляет! Дело-то молодое! — ехидно добавила соседка.

— Он бы мне позвонил, — тихо сказала Анна Сергеевна, — обязательно позвонил!

— Да уж куды там! — фыркнула старуха. — Все они звонят, как же! Погоди, нагуляется — придет! — и брезгливо поджав губы, скрылась в недрах квартиры, демонстративно хлопнув дверью.

Анна Сергеевна растерянно смотрела перед собой. На какую-то секунду она поверила в эти слова и тревога отступила. Но потом ей вспомнился холодный голос в телефонной трубке, твердящий одну и ту же фразу и слёзы побежали по щекам. С ее Виталиком что-то случилось! Что-то очень плохое! Она знала это! Держась за перила, ничего не видя перед собой, женщина чуть ли не ощупью вышла из подъезда и опустилась на скамейку.

Прошло несколько минут прежде, чем ей удалось взять себя в руки. Нужно было сосредоточиться. Нельзя сидеть и лить слезы! Если сын попал в беду, нужно ему помочь! Она вернулась в свою квартиру и переставив городской телефон на стол взялась сперва неуверенно, а затем все более настойчиво обзванивать сперва больницы, потом, с внутренним протестом, морги. Ответы она получала отрицательные и многие на той стороне провода рекомендовали ей обратиться в полицию.

Анна Сергеевна сперва пропускала такие советы мимо ушей, но потом поняла, что без этого не обойтись. Однако, начало официального поиска ее сына в ее сознании сливалось с тем, что придется согласиться в душе — да, с Виталием случилось несчастье! Это не чудовищная ошибка, не каприз разозлившегося паренька... это беда, которая пришла из ниоткуда и вломила без спроса! Уже не будет места надеждам, что вот сейчас он постучит в двери, зайдет и продолжится дальше их мирная, скучноватая, но такая хорошая жизнь! «О, Боже!» — всхлипнула женщина: «О, Боже! Сделай так, чтобы он вернулся! Сделай так, чтобы он был жив! Пожалуйста!».

ГЛАВА 6

Белгородский слышал, как сквозь толщу воды чьи-то причитания и плач. Понемногу он словно поднимался к поверхности и, наконец, смог открыть глаза. Покосившись по сторонам он обнаружил, что лежит около их убежища ногами вниз по склону с подсунутым под голову рюкзаком, на лбу у него холодный компресс, а обувь снята и к ступням приложен теплый камень от костра.

Мышка сидел рядом зажав голову руками, зажмурил глаза и рыдал в голос, как над мертвецом.

— Виталь! — прохрипел профессор. — Виталь!

— Пал Семеныч! — вскрикнул парень и схватил старика за руку. — Вы живой! Я думал, что вы сейчас умрете! Простите, я не хотел, я... просто... — он опять зарыдал. Белгородский сжал руку Мышки и слегка улыбнулся:

— Тише! Я живой! Не плачь! — помолчал и добавил. — А ты профессионально мне помощь оказал!

Виталий вытер слезы и тоже заулыбался:

— Я же эксперт!

— Диванный! — негромко подколол юного друга Белгородский и они оба рассмеялись. Один морщась от слабости, другой — еще судорожно вздыхая. Затем Мышка, нервно покусав передними зубами травинку, пряча глаза, выдавил:

— А что теперь с едой? Я же хлеб... — он покраснел.

— Ну, пока поедим грибы. Я же принес пакет. Надо попробовать ловушку поставить — может какого рябчика изловим. Все-таки мясо!

Хотя не говядина, конечно!

— Я читал, они травой воняют, — скривился Виталя.

— Лучше воняющие травой рябчики, чем не воняющие грибы! — философски заметил профессор. Виталий уныло кивнул и, помявшись, добавил. — Что-то нас не ищут, Пал Семеныч... может все-таки, нам попробовать выходить?

— Я уж думал, Виталя... телефон твой в машине остался — может его местонахождение определят и авто найдут? Тогда уже проще. А мой-то старый, разрядился. Тут еще и даже 112 не достаёт. Забрались мы с тобой, куда Макар телят не гонял! Надо попробовать понемногу ходить туда-сюда в разные стороны. Недалеко, чтобы тропу натаптывать и если что — без проблем к лагерю возвращаться, понимаешь?

— Понимаю, Пал Семеныч! Так я пойду натаптывать? — в восторге подскочил Мышка.

— погоди! — притормозил его профессор. — Обязательно возьми палку и траву проверь перед собой! Я там, — он мотнул головой в сторону своих блужданий за грибами, — гадюку видел. Вряд ли она тут одна, а у тебя кроссовки.

Виталий мгновенно принялся шарить взглядом по окружающей их траве. Потом, громко топая, добрался до маленькой засохшей осинки и торопливо сломав, тут же прошелся новоявленным посохом по вершинам трав. Опасливо косясь по сторонам, он вернулся к профессору:

— Так я пошел? — не очень уверенно спросил он.

— Иди! Только далеко не заходи, а лучше пройди несколько раз, слышишь? Чтобы точно не сбиться!

— Ладно, — кивнул Виталий и озаренный новой идеей, тут же забыв про змей, вприпрыжку побежал вниз с горы. Профессор проследил за ним взглядом и попробовал подняться. Голова немного кружилась, но в остальном чувствовал он себя неплохо. Похоже, таблетка хоть поздно, но подействовала. Нужно было разжечь костер и начинать варить грибы. Мышка, набегавшись по лесу, несмотря на съеденный хлеб проголодается и надо будет его подкормить.

Самому Белгородскому есть не хотелось хотя он и понимал, что лучше чего-нибудь пожевать, чтобы вконец не ослабеть. Поднявшись он закинул рюкзак в их «нору» и побрел к походной кухне.

Время от времени Павел Семенович поглядывал в сторону, куда убежал Виталий в надежде увидеть того, возвращающегося по протоптанным следам, но парня было не видно. Прошло уже около часа и профессор всерьез обеспокоился. Мышка мог решить, что идет в правильном направлении, удалиться от бивака и потеряться! К тому же с ним могло случиться что угодно — подвернул ногу, провалился в яму... про то, что Виталя сумел определить правильное местоположение и ушел с концами Белгородский старался не думать, однако, такой поворот событий нельзя было исключать, учитывая особенности характера молодого человека.

Приготовив еду и убрав ее в «хранилище» профессор поднялся на гору и оттуда еще раз осмотрел окрестности. Парня не было. Солнце уже покатилося к вечеру, недалек час, когда начнет темнеть. Павел Семенович опять вернулся к костру, выбрал из натасканных Мышкой дров самые толстые и сырые, сунул их на угли и взяв топор, верёвку и бутылку с водой, сгорбившись пошел вслед исчезнувшему спутнику.

Пройдя с километр, периодически останавливаясь и прислушиваясь Белгородский, наконец, уловил какие-то звуки. Затем он услышал крик. Слабый и быстро прервавшийся, но голос принадлежал Виталию и шел откуда-то справа. Профессор прибавил шаг не забывая, однако, смотреть под ноги боясь змей. То, что он увидел испугало его до того, что он едва не споткнулся. В высокой траве виднелась вершина поваленной исполинской листовенницы. Под ее верхними ветвями и лежал Мышка. Похоже было, что он кинулся бежать от падающего дерева, но не в сторону, а по ходу падения. И его прихлопнуло вершиной. Пошевелиться он не мог и только невнятно кричал через лезшую в рот траву.

— Виталя! — крикнул Белгородский и бросился к молодому другу на выручку.

— Пал Семеныч! — простонал парень. — Пал Семеныч, помогите!

— Сейчас! — взялся подбираться через ветки профессор. — Ты, как? Переломы есть?

— Мышка дрожал и плакал, судорожно пытаясь освободиться.

— Не знаю... кажется, нет... больно! — вдруг выкрикнул он.

— Где больно? — допрашивал Белгородский, ломая топором ветки.

— Везде! — завизжал Виталя. — Освободите меня! Освободите!

Профессор трясущимися руками старался, как мог. Убрав ветки от рук и головы парня, он попробовал сдвинуть того с места, но страдалец закричал уже в голос:

— Нога! Ногу больно!

— Господи! — взмолился пожилой человек. — Да помоги же нам!

Он добрался до ног Виталии и увидел, что икра проткнута суком. Крови, кажется, было не много, но профессору стало так страшно, что он чуть не потерял сознание. Мышка стонал и не двигался. Ветки, наконец, кончились и Белгородский подобрался к той, что торчала из ноги.

— Виталя, мне надо ее сломать, — неуверенно сказал он. Парень не ответил, но как только его спутник немного пошевелил деревягу, закричал от боли. Палка была не толстой. При удачном ударе можно было отрубить ее на раз. Но, что в это время будет с раненым?

— Где у тебя нож? — спросил Павел Семенович.

— За поясом, — прошептал Мышка. Профессор достал из рюкзака бутылку с водой и неловко напоил парня. Затем достал нож и стал понемногу перерезать ветку. Виталий стонал, плакал и просил остановиться. Наконец, зажмурившись, Павел Семенович переломил палку. Мышка дернулся и затих, потеряв сознание. Профессор, сам находясь на грани обморока, подхватил парня под мышки и выволок из под ветвей.

Торопясь, он собрал дров и запалил костер. Ножом разрезав штанину у раненного, Белгородский, сняв с себя рубаху и торопливо порвав на ленты, с ужасом уставился на торчащий из ноги Мышки сук. Парень был без сознания и надо было торопиться пока он не пришел в

себя. Внезапно решившись, пожилой человек ухватил ветку и потянул. Вытаскивать инородное тело оказалось неожиданно тяжело. Когда палка, наконец, вышла кровь потекла сильнее. «Темная!» — мелькнуло в голове несчастного лекаря: «Венозная!». Он положил на рану сложенную в несколько рядов тряпку и, как мог туго перебинтовал ногу. Если профессор не путал, промывать рану при таком кровотечении было нельзя. Оно могло усилиться.

Подкинув костер и сев так, что дым шел в его сторону, чтобы хоть как-то спастись от озверевшего гнуса, Павел Семенович принялся ждать, пока Виталий очнется.

ГЛАВА 7

Анна Сергеевна несмело топталась около помещения дежурной части. Полицейский за стеклом (женщина не разбиралась ни в званиях, ни в правильном названии должности) не обращал на нее никакого внимания, то нервно разговаривая по телефону, то перебрасываясь фразами с подходящими к окошку коллегами. Наконец, набравшись храбрости, посетительница негромко спросила:

— Простите, а если человек пропал, куда обратиться?

— Кто пропал? — мельком глянул на нее сотрудник.

— Мой сын, — с надеждой уставилась на собеседника Анна Сергеевна.

— Когда? При каких обстоятельствах? Сколько лет?

— Позавчера, — старательно начала отвечать женщина. — Он уехал на дачу с друзьями.

Ему двадцать лет.

— Да вы что? — рассмеялся полицейский. — Парень на даче с друзьями! О чем переживать-то? Там, скорее всего такой дым коромыслом сейчас, мама не горюй! — он осекся и потупив глаза добавил. — Извините!

— Но у него телефон отключен! Я постоянно звоню, а ответа нет! — в отчаянии попыталась возразить несчастная мать.

— Ну, так под пьяную лавочку не то, что телефон — голову бы не потерять!

— Виталя не пьет! — попыталась защитить сына Анна Сергеевна.

— Ага, за ухо льет! — хмыкнул в ответ дежурный. — Приходите, как трое суток пройдет, напишите заявление. Только думаю ваш Виталя к вечеру явится на рогах. Идите, мамаша, не мешайте! — он снова ухватился за телефон. Анна Сергеевна в растерянности постояла немного и понурившись, пошла к выходу.

Что делать дальше она не знала. Не так давно женщина слышала, что нет никакого правила трех дней и заявление можно подать в любой момент. Только как об этом сказать сотруднику, который и так-то ее почти не слушал! Анна Сергеевна с безумной надеждой выхватила из сумочки телефон и снова набрала сына. «Аппарат абонента выключен...» — рука, ослабев, чуть не уронила трубку. Женщина пошатываясь подошла к перильцам и устало присела на них стараясь собраться с мыслями.

Внезапно ей пришла в голову идея — у профессора

Белгородского была дача! Правда, по словам сына, ездил он туда крайне редко — просто отдохнуть. Павел Семенович, вообще, был человек больше тянувшийся к цивилизованному времяпрепровождению. Ну, а вдруг те ребята, что обычно гостят у пожилого человека, поехали за город! Правда, когда она обзванивала Виталиных друзей, никто про дачу ничего не знал, но они ведь могли отправиться небольшой компанией. Анна Сергеевна решительно поднялась и вновь пошла к профессорской квартире.

Соседка Павла Семеновича долго не открывала. Виталина мама уже решила, что бабушки нет дома и собралась ждать, когда замок резко щёлкнул и из-за двери появилась недовольная старухина физиономия:

— Чего брякашь? — выдала она фразу, которую Анна Сергеевна не сразу поняла. — Опять своего сына ищешь? Дык не было его тут!

— Я хотела спросить... простите, а как вас зовут?

— Марья Михална меня зовут! — нахмурилась соседка.

— Марья Михайловна, подскажите, ради Бога, у Павла Семеновича ведь есть дача? Где она находится?

— А зачем тебе его дача? Ты чего это собралась к нему на дачу ехать без спросу?

— Марья Михайловна! Я думаю, они с Виталием туда уехали! Сын говорил, что поедут на дачу вместе с профессором. Наверняка, к Павлу Семеновичу!

— Ну, не знаю... — поджала губы старушка, — ладно, уж... дача у него в Подснежнике, в СНТ. Туда автобусы ходят. На девятке от рынка можно доехать... только зря ты это затеваешь! Чего Пал Семенычу с твоим оболтусом ездить? Одно дело тута оне к нему приходят, а на даче на молодежь удержу нет! И привозить их к себе только дурак может, а профессор — не дурак! — и выдав эту мысль, Марья Михайловна исчезла.

— Спасибо! — сказала в уже закрытую дверь Анна Сергеевна и поспешила на улицу, к рынку.

Автобус был битком набит едущими на дачи пенсионерами. Духота стояла страшная и Анна Сергеевна находясь в середине салона чувствовала, что вот-вот упадет в обморок. Она обратилась к сидящему рядом немолодому мужчине:

— Простите, вы не могли бы место уступить — мне что-то нехорошо!

Мужчина, резко обернувшись, смерил попутчицу взглядом и молча отвернулся в окно. Анна Сергеевна так смутилась, что даже дурнота отступила немного и достав из кармана платочек, промокнула выступивший на лице пот. Внезапно ее толкнули в плечо. Обернувшись, она увидела высокую, худую женщину с многочисленными котомками:

— Выходишь?

— Нет, — постаралась посторониться Анна Сергеевна и тут же почувствовала, как хозяйственная сумка скребанула по ноге, порвав капрон. Женщина с сумками, усердно работая локтями пробралась к выходу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.